

О СТАНОВЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПОСТМАРКСИЗМ» И ЕГО ЛОКАЛИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Павел Барковский¹

Abstract

The main topic of the article is to trace the formation of the concept «post-Marxism» and its localization within the post-Soviet philosophical tradition in comparison with its elaboration by the influential Western researchers. Relativeness and problematic character of the concept predetermine the complexity of the formation. Based on the analysis of the concept usage in the post-Soviet philosophy, especially in the zero years of the 21st c., the most distinctive features of the post-Marxism are brought to the forefront:

1. The original version of the political philosophy as a conceptual core of the post-Marxism.

2. Its difference from the orthodox and non-orthodox Marxism due to the «non-systematical» reading of K. Marx and the fundamental revision of his theories of society, subject and history as well as his ideal of emancipation.

3. The rejection of the essentialist approach to social and political problems and the usage of the conceptual apparatus of non-classic ontology.

4. The influence of structuralist and psychoanalytical concepts and methodology on the post-Marxist approach.

5. The orientation of the post-Marxism to the intensification of the actual «left» political movement.

These correlative moments of the term description allow to localize the post-Marxism affiliation with the conceptions of E. Laclau, Ch. Mouffe, C. Castoriadis, S. Zizek, A. Badiou and to emphasize its intersection and cross-influence with the post-structuralism, critical theory, postmodernism and some other philosophical programs.

Keywords: post-Marxism, post-Soviet philosophy, political philosophy, politics, ideology.

Использование выражения «постмарксизм» в историко-философском ключе является сравнительно новым и до сих пор не имеет строгого контекста употребления, хотя необходимость в маркировке подобного рода испытывают в первую очередь те исследователи, которые обращаются к анализу ряда современных подходов в социально-политической

¹ Павел Барковский – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры Белгосуниверситета (г. Минск).

философии. Стремление закрепить с помощью данного понятия специфику последних задаётся не столько даже страстью к упорядочению философского поля, сколько теоретическими и дидактическими установками:

1) с теоретической точки зрения представляется важным обнаружить ядро подобия между рядом близких по духу концепций, которые работают на схожем материале и в частично совпадающей перспективе, для того чтобы проследить общую тенденцию трансформации современной социально-политической философии;

2) с точки зрения преподавания философских дисциплин, в рамках которого данное понятие становится органичной частью учебных программ, необходима более чёткая диагностика постмарксизма и его границ для формирования прагматически оправданной версии его концептуализации, по возможности избегающей относительности различных исследовательских трактовок.

В этой связи мыслится крайне важным проследить основные этапы учреждения данного понятия в историко-философском контексте, обращая при этом особое внимание на специфику его употребления в постсоветской философии, отношении которой к постмарксизму осложняется за счёт его постоянного соотношения с ещё недавно доминировавшим марксистским дискурсом в диалектико- и историко-материалистической трактовке.

В современной западной литературе по теме не существует определённого единства по поводу употребления данного понятия; скорее, наоборот, подчёркивается его проблематичность. В ставших уже классическими работах Стюарта Сима², который одним из первых предпринял весьма осторожную попытку нащупать содержание данного понятия путём его привязки к трансформациям марксистской философии, определение *постмарксизма как особого интеллектуального движения* скорее свелось к его генетическому укоренению в ревизионистских взглядах западных неомарксистов и преимущественно негативной содержательной спецификации – через отрицание доктринальной целостности марксизма, его теоретического детерминизма и применимости к актуальным политическим практикам. В рамках такой мало дифференцированной установки отсутствует чёткая грань между собственно «второй волной» западного марксизма (неомарксизмом) и постмарксизмом, а кроме того, нет ясного понимания того, что могло бы объединить тех многочисленных мыслителей, которые существуют в ситуации «пост-» как установки на преодоление и трансформацию классической марксистской парадигмы.

В другом подходе к определению понятия, который демонстрируют С. Торми и Дж. Тауншенд³, подчёркивается отсутствие прямой

² Sim S. Introduction. Specters and Nostalgia: Post-Marxism. In: S. Sim (ed.) *Post-Marxism: a Reader*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1998; Sim S. *Post-Marxism: an Intellectual History*. L.; N.-Y.: Routledge, 2000.

³ Tormey S., Townshend J. *Key Thinkers: From Critical Theory to Post-Marxism*. L.: SAGE Publications Ltd, 2006.

зависимости между неортодоксальным марксизмом, ориентированным преимущественно на «возрождение» последнего через «возвращение к подлинному Марксу» (Л. Альтюссер), и собственно постмарксизмом как своеобразным ответом на кризис марксистской установки, чьей кульминацией становится 1968 г. – год подавления «Пражской весны» государственным социализмом и парижских студенческих волнений, знаменовавших собой окончательный разрыв протестного движения с организованными партийными структурами. Ослабление «левого» движения, его неспособность и далее руководствоваться марксистскими политическими лозунгами и формами теоретического обоснования приводят молодых, критически настроенных интеллектуалов к попытке преодолеть находящуюся в коллапсе марксистскую ортодоксию, проблематизировав её концептуальное ядро – теорию истории, концепцию субъективности, этические и политические импликации концепции освобождения, позитивистскую доктринальность и идеологический мессианизм. При этом важным маркирующим обстоятельством для определения постмарксизма здесь становится смена методологических ориентаций – отход от решения поставленных вопросов в русле диалектического метода и обращение к аппарату постструктуралистского дискурсивного анализа с его деконструктивистскими и психоаналитическими приемами истолкования.

Также присутствуют попытки диагностировать содержательную программу постмарксизма со стороны его идейных противников, которые усматривают в своих оппонентах тайных адептов неоллиберализма, пытающихся «подмять» под себя «левое» политическое поле и выстраивающих собственную стратегию в пику традиционным постулатам марксистской политической теории. В частности, в статье *Марксистская критика постмарксистов* Дж. Петрас указывает, что

«интеллектуальные сторонники постмарксизма – это в большинстве случаев бывшие марксисты, расставшиеся с ним на почве “критики” марксизма и выдвижения собственных контрпредложений на любое его базовое положение в качестве основы для попытки развить собственную альтернативную теорию или хотя бы правдоподобное направление анализа»⁴.

Содержательные компоненты постмарксистской установки здесь сводятся к десяти пунктам критики традиционного марксизма – в частности его идеологической составляющей, теории классов, концепции государства справедливого управления и регулирования экономики, стратегии революционной борьбы и организации протестных групп, – в направлении развития институтов гражданского общества, сопряжения различных протестных сил не

⁴ Петрас Дж. Марксистская критика постмарксистов // *Левая Россия. Политический еженедельник*. 2004. № 15. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.left.ru/2004/15/petras114.html>; дата доступа: 12.03.2010.

на классово-партийной основе, апологии рынка, борьбы на уровне выстраивания идентичностей и т. д. При этом постмарксизм здесь воспринимается, прежде всего, как *идеологическая платформа для ряда политических и общественных движений, позиционирующих себя в традиционном «левом» спектре политического поля*, т. е. в его ориентации на практику политического действия.

Во многом все исследователи, сталкивающиеся с понятием «постмарксизм», вынужденно отсылаются к оригинальному опыту его обоснования как выражению собственной позиции в *Гегемонии и социалистической стратегии* Э. Лаклау и Ш. Муфф⁵. В частности, использование авторами этого термина связано с указанием на двойной смысл его употребления: приставки «пост-», указывающей на необходимость преодоления ряда классических тем социальной теории К. Маркса – концепции субъективности, классового сознания, телеологии истории и идеи коммунизма, – и, с другой стороны, базового понятия «марксизм», отсылающего к развитию ряда неортодоксальных положений и интуиций марксистской доктрины, которые позволяют выработать актуальные стратегии политического действия в изменившихся условиях, но с опорой на «дух» философии К. Маркса. Однако, учитывая, что это определение выступает здесь как частный опыт самоидентификации, в отношении других авторов не всегда полноценно применимый, данное употребление понятия становится хотя и классическим, но недостаточным для чёткого прояснения того, что понимается под постмарксизмом.

В постсоветской философии «постмарксизм» как понятие впервые входит в обиход в связи с полемикой вокруг исторических судеб марксизма, инициированной в рамках круглого стола журнала *Вопросы философии* и статьей С. Стояновича⁶, опубликованных в 1990 г. в № 1 упомянутого журнала. Осознавая кризис советского марксизма, долгое время исполнявшего роль идеологического обеспечения политики социалистических государств, в их рассуждениях особенно актуально звучал вопрос о значимых альтернативах доктринальному марксизму. И постмарксизм, обнаруживший себя во многом благодаря краху «реального социализма», как представлялось, мог предложить такую альтернативу. С. Стоянович задал теоретические координаты постмарксизма в связи с отказом от марксизма как всеобъемлющей философской программы, ревизией творчества К. Маркса как «целостной» доктрины, переносом смыслового акцента с понятия тотальности на категорию плюральности, а также переосмыслением стратегии политического действия с учётом современного положения дел.

На протяжении 1990-х гг. в постсоветской философии употребление данного понятия оставалось преимущественно спора-

⁵ Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy*. L., N.-Y.: Verso, 1985.

⁶ Стоянович С. От марксизма к постмарксизму // *Вопросы философии*. 1990. № 1.

дическим и не имело строгого смыслового соотношения. Лишь в конце 1990-х в некоторых из статей С. Земляного появляются определённые содержательные спецификации термина «постмарксизм» в контексте его различения с неомарксизмом и применения для обозначения интеллектуальной позиции актуального политического философа Славоя Жижека. Встраивая постмарксизм в череду этапов становления марксистской интеллектуальной традиции (от «ортодоксального марксизма» до широкого ареала «западного марксизма») как её завершение, С. Земляной вводит понятие «постмарксизм» для обозначения *сформировавшейся во второй половине 1980-х гг. философской программы, которая образовалась на волне угасания интереса к доктринальному марксизму в среде левой интеллигенции и после распада школы Л. Альтюссера*. Позиционируя С. Жижека в качестве постмарксиста, С. Земляной находит наиболее характерные приметы его постмарксистской установки в 1) отходе от практики революционного рабочего движения, отказе от идеологии коммунизма и как следствие – обращении к теоретико-методологическому потенциалу философии Маркса; 2) принятии стратегии «несистемного», «симптоматического» (в терминологии Лакана) прочтения философии Маркса как «вытесненного» гегельянства.⁷

В последнее время, однако, в связи с усилением внимания к современным социально-политическим теориям и их повсеместным вхождением в базовые учебные программы философских факультетов в постсоветской философии, в особенности у ряда белорусских авторов, заметно интенсифицировались попытки более чёткого определения категории «постмарксизм» и задания его видимых очертаний. Так, в книге В. Фурса *Социальная философия в непопулярном изложении* приводятся две версии употребления понятия «постмарксизм»: 1) в широком смысле – как традиции радикального разрыва с марксистской ортодоксией, 2) в узком смысле – как самоназвания теоретической позиции Э. Лаклау и Ш. Муфф. Пытаясь определить данное понятие более содержательно, В. Фурс стремится его квалифицировать как «интересную интеграцию теоретических перспектив западного марксизма, постструктурализма (Деррида, Фуко) и психоанализа Лакана на общей платформе антиэссенциализма с преобладанием социально-политического акцента»⁸. Антиэссенциализм по отношению к обществу становится своеобразной визитной карточкой постмарксистов, ориентированных на интерпретацию общества не как устойчивой социальной системы, а дискурсивной формации, в рамках которой интеграция её членов достигается за счёт дискурсивных механизмов интерпелляции, а определённая внутренняя связность формируется на базе «узловых точек», задающих конкретные формы системной артику-

⁷ Земляной С. Что такое постмарксизм? К симптоматике Гегеля, Маркса и Фрейда // *Независимая газета*. 1999. 12 августа. № 147.

⁸ Фурс В.Н. *Социальная философия в непопулярном изложении*. Мн.: Прополис, 2005. С. 24.

ляции и создающих предпосылки социальной гегемонии. В. Фурс вписывает постмарксизм в общий контекст критической социальной теории как одну из версий последней, подчёркивая аспект «рефлексивной политизации» как определяющую характеристику именно данной версии. Сам постмарксизм маркируется в таком случае как *преимущественно политическая философия* (в расширенном понимании слова «политическое»), *сформировавшаяся при отсутствии значимой альтернативы неолиберальной гегемонии как попытка предложить новый вектор «левой политики»*, включённой в широкий фронт борьбы с глобальным капитализмом на его «внутреннем» демократическом поле. В свою очередь постмарксизм избегает присущей марксизму универсализации понятия общества и подчёркивает конструктивный характер выстраивания социальных идентичностей, вынужденных, таким образом, отстаивать собственные права не только в экономической, но и расовой, половой, культурной и иных сферах. При всех очевидных достоинствах данной попытки локализации термина следует отметить, что данное описание постмарксизма всё же преимущественно ориентируется на ключевые аспекты его концептуализации в работах Э. Лаклау и Ш. Муфф, что несколько ограничивает возможности экстраполяции на иные концепции и подходы.

В статье Е. Игнатович *Политическая онтология субъекта в постмарксизме*⁹ понятие «постмарксизм» также вводится в основном с привязкой к использованию (наряду с марксизмом) философских идей структурализма и психоанализа для обоснования неэссенциалистской концепции общества и субъективности и опорой преимущественно на теорию Э. Лаклау.

Наконец, одним из наиболее развёрнутых и значимых опытов обоснования и локализации понятия «постмарксизм» в постсоветской философской литературе является монография О. Оришевой *Политическое измерение социальной теории в постмарксизме*¹⁰, в рамках которой описание теоретических положений концепций К. Касториадиса, Э. Лаклау и Ш. Муфф производится на фоне общей проблематизации «постмарксизма» как понятия и локализации границ его рефлексивного употребления. Отталкиваясь от некоторых распространённых западных трактовок постмарксизма и отмечая их относительную размытость и нечёткость, О. Оришева предлагает собственную развёрнутую схему определения постмарксизма, в качестве путеводной нити используя рассуждения Э. Лаклау и Ш. Муфф, а также замечание А. Бадью о постмарксизме как осознании ситуации кризиса левого движения и попытке занять имманентную этому кризису политическую позицию (путём переосмысления некоторых ключевых идей Маркса). Основная идея подобной индикации постмарксизма состоит в нахождении

⁹ Игнатович Е. Политическая онтология субъекта в постмарксизме // *Топос*. 2006. № 1.

¹⁰ Оришева О.Ф. *Политическое измерение социальной теории в постмарксизме*. Мн.: РИВШ, 2007.

базовой общности, вопреки возможным содержательным различиям концепций, на уровне установок, и прежде всего – установки на обоснование нового проекта социальной эмансипации путём выдвижения альтернативных по отношению к марксистской концепции классового сознания и социального детерминизма проектов конституирования идентичности. Как подчёркивается в работе,

«возникновение такого феномена, как постмарксизм, связано с попытками *ре-активации антисистемного компонента*, которые предполагают радикализацию практико-политических интенций оригинального учения наряду со столь же радикальным пересмотром концептуального аппарата традиционного марксизма и философских допущений, лежащих в основе его понимания социума, субъективности и истории»¹¹.

При этом постмарксизм всё же рассматривается не как некое целостное течение или движение, но скорее как особое умонастроение, загадочный «знак» упорного присутствия «духа» марксизма в современной культуре. Локализация постмарксизма производится в контексте противопоставления «западному марксизму» (неомарксизму) как попытке возвращения к подлинному Марксу и подразумевает признание значимости ряда интуиций марксистского подхода к анализу политической жизни общества совместно с отрицанием «модерного» взгляда на природу последнего, что, по мнению ранее упомянутого В. Фурса, характеризует промежуточное положение постмарксистов между апологетами постмодерна и приверженцами теории «позднего» модерна. В рамках уточнения характера отношения постмарксистов к классическому наследию марксистской философской программы отмечается, что

«под прицелом критики оказываются такие фундаментальные положения, как приоритет экономической сферы над остальными областями социальной жизни (а наряду с этим – само разделение на базис и надстройку), видение истории как целенаправленного, объективного процесса, подчиняющегося эндогенным закономерностям, рассмотрение классового противостояния как центрального социального конфликта и трактовка пролетариата как основного субъекта общественной эмансипации и др.»¹².

Сам же постмарксизм, учитывая актуальный характер данного философского проекта, характеризуется, прежде всего, как *попытка разработки современной постметафизической политической теории на базе радикальной переоценки постулатов классического марксизма*. Постметафизический характер данной теории можно, по-видимому, связать с отказом от эссенциалистского и холистского подходов к пониманию социальной реальности в

¹¹ Оришева, *указ. соч.*, с. 51.

¹² Там же, с. 52.

целом и субъективности социальных агентов в частности, а также с опорой на использование постструктуралистской терминологии для интерпретации структурированного дискурсивными практиками социального поля.

Не меньше вопросов при спецификации постмарксизма вызывает и проблема установления авторских привязок, поскольку за редким исключением данное понятие не является способом самоописания отдельных мыслителей, а сложности в установлении концептуального ядра постмарксизма отражаются и на проведении чётких демаркаций. В этой связи в постсоветской философии понятие «постмарксизм» чаще всего связывается с идеями Э. Лаклау и Ш. Муффа, в достаточно сильной степени выражается в отношении концепции К. Кастиориадиса, с некоторыми оговорками относится к С. Жижек и А. Бадью. Гораздо реже в этом контексте упоминаются имена других мыслителей, например, того же Деррида, чьё произведение *Призраки Маркса* может вполне быть прочитано как постмарксистское по своим интенциям. Однако в духе историко-философского размежевания на различного рода «-измы» позиционирование самого Деррида как постмарксиста, по замечанию О. Оришевой, со стороны выглядит уже несколько нелепо, если не сказать глупо. Впрочем, это относимо и ко многим прочим понятиям современной истории философии с приставкой «пост-». Скорее номинативно, вслед за их выделением в западной литературе, в пантеон постмарксистов включаются малоизвестные у нас имена А. Хеллер, Дж.Л. Коэн, Э. Арато, А. Горца и др.¹³ Видимо, по схожей причине, что и в случае Деррида, в списки постмарксистов у нас не принято включать Ж. Делёза и Ф. Гваттари, авторов *Капитализма и шизофрении*, Ф. Лиотара с его знаменитым докладом *О состоянии постмодерна* и Ю. Хабермаса с его попыткой переориентации политического в направлении публичности, как это делают некоторые западные авторы.¹⁴ Хотя и в таком виде этот список вряд ли можно было бы считать исчерпывающим.

Таким образом, если попытаться подвести своеобразный итог становлению понятия «постмарксизм» и опыту его сравнительной локализации применительно (в особенности) к постсоветской философской традиции, то в качестве наиболее постоянных моментов описания данного проекта можно зафиксировать следующие. *Во-первых*, указание на оформление в рамках постмарксизма в качестве концептуального ядра оригинальной политической теории; *во-вторых*, значимость отличия постмарксизма от направлений ортодоксального и неортодоксального западного марксизма в контексте радикального пересмотра основных положений теорий Маркса, истории, субъекта, идеала общественной эмансипации Маркса и опыта «несистемного» чтения его работ; *в-третьих*, отказ от субстанциалистских и эссенциалистских трактовок социально-политической реальности и использование гибкого по-

¹³ Оришева, *указ. соч.*, с. 10–11.

¹⁴ Tormey, Townshend, *op. cit.*

нятийного аппарата неклассической онтологии; *в-четвёртых*, инспирация постмарксизма со стороны (пост-)структуралистского и психоаналитического (преимущественно лакановского) концептуально-методологического аппарата; *наконец*, привязка постмарксизма к интенсификации современных «левых» движений, значимому расширению их целей и социальной базы.

Что касается определения «постмарксизма» в качестве особого направления, течения или движения в современной философии и политике, то на сегодняшний день это представляется скорее данью необходимости в историко-философских обобщениях, хотя разумнее и осторожнее, видимо, было бы рассматривать постмарксизм как «общность установки», «диффузию марксизма в современной культуре» или топос совпадения леворадикальных политических идеологий. В любом случае в философском плане следует отметить *постметафизичность* постмарксистских концепций, их *рефлексивную критичность* в отношении идеологических оснований любой выраженной социально-политической философии и практики (в том числе собственной), а также *преобладание сферы дискурсивного* (шире – лингвистического) *анализа* над иными стратегиями философской работы. Эти элементы коррелирующих описаний позволяют опереться в понимании постмарксизма как на общепризнанные фигуры таких авторов, как Э. Лаклау, Ш. Муфф, К. Касториadis и др., так и на менее известные имена, в том числе затрагивая поля пересечения и взаимовлияния постмарксизма с постструктурализмом, критической теорией, постмодернизмом, теориями глобализма и иными современными философскими программами.